

В. Высоцкий

КУПОЛА

Как засмотрится мне нынче, как
задышится...
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споется мне сегодня, что
услышится...
Птицы вещие поют, да все из сказок.

Птица Сирин мне радостно склится,
веселит, зазывает из гнезд...
А напротив тоскует, печалится,
травит душу чудной Алконост...

Словно семь заветных струн
зазвенели в свой черед.
То мне птица Гамаюн
надежду подает.

В синем небе, колокольнями проколотом,
médный колокол, медный колокол,
то ль воздревдался, то ли осерчал...

Купола в России кроют чистым, чистым,
чистым, чистым золотом,
чтобы чаще Господь замечал...

Я стою, как перед вечной загадкой,
пред великой да сказочной страною...
перед солоно да горько-кисло-сладкою,
голубую, родниковою, рлано...

Грязью чавкая жирной да ржавою,
взмнут лошади по стремена.
Но влекут меня сонной державою,
что раскисла, опухла от сна.

Словно семь покатых лун
на пути моем встает.
То мне птица Гамаюн
надежду подает...

Душу стертую утраты да тратами,
душу, сбитую перекатами,
если до крови лоскнут истончал,
залатаю золотыми я заплатами,
чтобы чаще Господь замечал...

Андрей Дмитриевич Сахаров, июнь 1989 г., Сыктывкар

НЕЗАВИСИМЫЕ

Нас было много. Почти триста миллионов, "вместе - дружная семья, вместе - целая страна...". Мы молчали или кричали то, что нам велели кричать. Бывало, нас наглым обманом вводили в заблуждение, бывало - мы сами, изнемогши от двойной жизни, говорили себе: "Ну, если все газеты так пишут, да еще и столько аргументов приводят - значит, доля правды в пропаганде есть". Часто бывало, что мы не верили ни одному слову газет и сокраяли чутье на правду и ложь. Но противостоять им мы не могли. Иногда действительно не могли: сознавали ответственность за семью и за всех, чья судьба от нас непосредственно зависела. Иногда не очень хотели: учеба, творчество, элементарные жизненные блага - зачем этим всем жертвовать ради известного и внешне абсолютно бессмысличного результата: вначале осмеять, потом оплюнуть, а потом надолго посадить. И мы молчали или кричали то, что нам велели кричать. Да здравствует... Долой... Позор... Ура... Стиснув зубы - в августе 68-го, крепко сжав сердце - декабре 79-го, с иронией или тупым безразличием - в "спокойные" промежутки.

Не будем себя жестоко судить и казнить. Не надо. Нам - миллионам "простых советских тружеников" было действительно очень трудно в нашей трагической повседневности. И пусть нам зачтутся иочные бедения у радиопремьера, и разговоры на заварившейся кухне, и когда-то не поднятая за какую-то бредовую резолюцию рука, и то, что многомиллионное скандирование здравиц и проклятий звучало тише, чем того хотели опьяненные властью наши большие и малые фюреры. Без маленьких, незаметных, робких движений сердец миллионов, без этого незримого, но мощного натиска, который фюреры чувствовали и с которым вынуждены были считаться, - не наступили бы для нашей всеобщей надежды, что те фюреры уйдут от нас навсегда.

Но были люди особые. Как мы, не святые и не герои. Но - каждый по-своему и в свою меру - ощущавшие, что отступать им некуда и решившиеся за правду, за человеческое достоинство, за нашу честь пожертвовать многим. В обществе, где ни у кого, кроме фюреров, нет никаких прав, они брали на себя отстаивание прав

человека, брали на себя защиту всех нас, брали на себя боль и проблемы тех конкретных умивших и оскорбленных, чьи имена делались им известны. Правозащитники. Не зависящие в своей деятельности ни от кого, кроме своей совести. Эта когорта сформировалась и объединилась в конце шестидесятых. Их было мало - по сравнению с миллионами, но слишком много, чтобы перечислить их имена в коротком столбце. Ихказалось достаточно, чтобы на протяжении двух десятилетий не дать прерваться нитям правдивой информации и свободного слова. Они не были политиками, были готовы к честным компромиссам с существующей властью, не считали себя - и не были - ее врагами. Но они становились государственными преступниками и политзаключенными, потому что тоталитарная власть видела в независимой мысли и свободном слове своего главного врага. У Брежнева, Андропова, Черненко и их сотовавший не было ни сил, ни наверное - намерений использовать в борьбе со свободомыслием весь арсенал сталинских мясорубок. Их метод был - любым путем изолировать "отщепенцев". Лагерь, где закончили свою земную жизнь в 72-м Юрий Галанков и в 86-м Анатолий Марченко. Изгнание, из которого уже не вернулся Аркадий Беликов, Анатолий Якобсон, Александр Галич. Потоки грязной клеветы, которая должна была внушить нам, что независимы - либо враги, либо, по крайней мере, люди, занявшиеся "не своим делом". И это уж наше дело было, на какую наливку мы клонем!

И вот сейчас их с нами осталось не много - профессиональных правозащитников семидесятых - начала восьмидесятых. И, на первый взгляд удивительно, мы знаем о них не намного больше, чем тогда. На волнах "гласности" парадом прошли, оказавшись у всех на устах, писатели и юристы, историки и публицисты, экономисты, ученые-естественники, смело мыслящие рабочие, наконец, народные депутаты. А из правозащитников - один Сахаров, человек особого масштаба личности и особого общественного статуса. Вот и стало модно говорить: тогда, до середины восьмидесятых, правду говорил один Сахаров, а сейчас мы его услышали, мы стали независимы, мы стали, радикалами и демократами, мы - смельче, мы - его наследники, мы - те,

ИСТОРИКО-ПУБЛИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО "МЕМОРИАЛА".

25 февраля 1990 г.

ЧИТАЙТЕ О ПРАВОЗАЩИТНИКАХ

Сергее Ковалеве,
о. Глебе Якунине,
Борисе Золотухине

Юлий Демидов

РОМАНС О РОДИНЕ

Страна моя, скажи мне хоть словечко!
Перед тобой душа моя чиста.
Неужто так - бесстыдно и навечно -
Тебя со мной разделит клевета?

Свои мечты сбивая в кровь о камни,
Я шел к тебе сквозь зной и холода.
Я шел тобой. Я шел, и на глаза мне,
Как слезы, наплывали города.

Я не таю ни помысла дурного,
Ни сожалений о своей судьбе.
Страна моя, ну выпомни хоть слово!
Ведь знаешь ты, что я не лгал тебе.

Ведь не бросал влюбленность на весы я
И страсть свою на доли не дробил.
Я так любил тебя, моя Россия,
Как, может быть, и женщина не любил.

Чтоб никогда не сетовал на долю,
Чтоб не упал под тяжестью креста,
Страна моя, коснись меня ладонью,
Перед тобой душа моя чиста.

Январь 1966г
Лефортовская тюрьма.

"ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ".

Полтора-два десятка листов папиросной бумаги, густо заполненных слепой машинописью. Папиросной - в опровержение известных строк Галича:

"Эрика" берет четыре копии.

Вот и все. И этого достаточно.

На папиросной бумаге "Эрика" брала копий десять, а то и пятнадцать. Но этого было недостаточно. Стучали по ночам машинки в Москве, Киеве, Ленинграде, Новосибирске, Одессе. В десятках больших и малых городов страны. В разгар какой-нибудь вечеринки запоздавший гость об'являл с порога:

- Ребята, у меня с собой свежий номер!

Не спрашивали - номер чего. Отдыхали рюмки, поплотнее задергивали шторы и передавали из рук в руки в круговую машинописные листы. Читали молча, Читали все: хозяева, их друзья, их родители-пенсионеры, их дети-старшеклассники, случайные гости, специально приехавшие в Москву провинциалы. На стукачей, помнится, нарывались до удивления редко.

А потом, где-нибудь в Харькове или Петрозаводске, услышав в курилке своего НИИ, или в студенческом общежитии, или (чаще всего) от знакомых, рассказ о том, что ОНИ ОПЯТЬ

- выгнали из школы преподавателя литературы за то, что он упомянул на уроке имя Цветаевой или Солженицын;

- устроили многочасовой обыск у университетского профессора, прятавшего в своей квартире самиздат;

- арестовали группу рабочих, или студентов, или инженеров, решивших самостоятельно разобраться в марксистской премудрости, и припаяли им по 70-й ст. УК, от 3-х до 7-ми;

- лишили родительских прав семью баптиста за то, что их десятилетний сынушка отказался вступать в пионары;

- изъяли из местной библиотеки книги Аксенова и Войновича.

Услышав такой рассказ, случайный гость тех московских посиделок не всплескивал, как бывало, руками и не хватался за голову, а начинал деловито высматривать подробности у собеседника. А собеседник тоже не задавал лишних вопросов. Разве что вырвется:

- Как, неужели она все еще выходит?!

А потом появлялся на свет клочек бумаги. И писалось на том клочке сверху (часто - печатными буквами, чтобы в случае чего не опознали по почерку):

в "ХРОНИКУ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ".

И начинал тот клочек путешествие: с окаями, из одних рук в другие, пока не добирался до первопрестольной. А там - сюзь из рук в руки. В каком-нибудь московском доме (что значит, впрочем, в "каком-нибудь" - дома эти были известны наперечет) присоединяли его к куче таких же бумажек. Потом - сортировка: баптист, лишенный родительских прав, отправлялся в папку, которая называлась "Преследования верующих", а профессор провинциального университета - в папку с материалами для раздела "Аресты, обыски, допросы". Около десятка было таких постоянных разделов в Хронике: "Внесудебные преследования", "События в Литве", "События на Украине", "Вести из лагерей", "Новости Самиздата" и так далее... Широкие материалы выделялись в отдельные, вне постоянной рубрикации, разделы; лаконичные, в несколько строк, тексты собирались под общей шапкой "Краткие сообщения".

Потом на какой-нибудь безопасной - или называвшейся таковой - квартире сходились три-четыре человека, и начиналась главная работа. Информация о нарушениях гражданских прав и о борьбе за их соблюдение, собранная со всех концов страны, изложенная, чаще всего, сумбурно и эмоционально, составленная иногда неграмотно, содержавшая время от времени недостоверные, неполные, а, бывало, и недобросовестные сведения, сворачивалась, оценивалась, просеивалась сквозь сито опыта и здравого смысла. И, наконец, сообщение, переведенное на подчеркнуто нейтральный, бесстрастный, повествовательный язык Хроники, лишенное явно выраженной оценочности, снабженное необходимым юридическим комментарием, занимало свое место в готовящемся номере.

За окном, как правило, рассветает. Последние разделы выпуска скомпонованы, и рукопись 14-го (32-го, 40-го, 54-го, 60-го...) номера "Хроники текущих событий" готова для "первой закладки". Можно приступить к уничтожению черновиков. Позади многосуготочная (иногда многодельная) изнурительная,

(окончание на стр.2)

(окончание на стр.3)

НЕЗАВИСИМЫЕ

(начало на 1 стр.)

кто выходит на стотысячные митинги, печатается в "левых" изданиях и неформальной прессе, те, кто с высоких трибун произносят недосказанные А.Д. Сахаровым слова. Да, мы приняли на себя совершенно естественное: исполнить в малой степени наш долг перед Андреем Дмитриевичем - наш долг перед самими собой. Но как кощунственно мы, подчас, забываем, - как бы оправдывая и наши прежние заблуждения и наше нынешнее тщеславие, - что, вопреки всем коллизиям перипетиям, вопреки ушедшему времени, рядом с нами - легендарные друзья и соратники Сахарова, как тогда тихие и несклонные к саморекламе, как тогда, не высказывающие претензий на нравственное превосходство, не смотрящие на нас с укоризной, но, как и тогда, в самом глубоком смысле - независимые.

Подлинная независимость и теперь, как и всегда, не в чести. "Перестраивающиеся" советские инстанции довольно быстро вынуждены были оставить попытки сделать себе рекламу на "взаимных личных услугах" с ветеранами правозащитного движения, не смогли хоть как-то подкупить их ипустить в нужное русло, не смогли сломить независимость - и постарались предать забвению. Активисты новорожденных радикальных группировок, многие из которых еще недавно лишь робко и незаметно осмеливались подойти к бывшим политэзакам, теперь нередко относятся к ним как экспонатам музейной исторической ретроспективы. Прошлое гражданское мужество не идет в счет, ответственная осторожность принимается за пассивную усталость, нравственный пример - так он нам не обязателен. Откуда все это, и к чему это может привести? Сказать, что от нашего недостатка внутренней культуры, значит сказать слишком мало. Мы - очень по-прежнему - не приемлем независимость, фундаментальность, не прислушиваемся к подлинному жизненному опыту. Мы рукою лещем новые кумирами, мы сами не прочь быть кумирами. Нам нутна не правда, а мода. А у правозащитников хватает мужества совершенно не прислушиваться к звукам наших медных труб и по-прежнему стараться отстаивать лишь одно - правду. За кем же будущее? Единственная надежда, которую я вижу, - на людей фундаментальных убеждений, и прежде всего - на людей с большим опытом гражданского мужества. На ветеранов правозащитного движения. И наш величайший долг - бережно, с постоянным вниманием относиться к этим людям, к их опыту, к их реальной способности именно сегодня и, наверное, завтра быть нашими неподкупными, компетентными, ответственными лидерами. В этом плане нам может хотя бы отчасти быть полезен пример Чехословакии.

Сейчас мы - на пороге выборов. Так пусть же Сергей Ковалев, Револт Пименов, отец Глеб Якунин, Борис Золотухин, Виктор Булгаков, Виталий Помозов станут нашими депутатами. Мы должны добиться этого - не для того, чтобы оказать им почтение, а чтобы отстоять, наконец, нашу подлинную гражданскую честь и способствовать нашему максимально надежному будущему.

В.Коган-Ясный

В ЦАРСТВО СВОБОДЫ

ИЗ ЦАРСТВА ТЕНЕЙ

1987-й. До XIX партконференции год. Уже провозглашен курс на восстановление исторической и социальной справедливости. Но власти привыкли обновив терминологию "в соответствии с историческим моментом", не спешат его реализовывать. Неверие в слова, сказанные с высоких трибун, парализует гражданскую активность. Тени недавних процессов над диссидентами витают в воздухе. Еще памятны недолгая оттепель и резкий откат назад. Все знают: тон речей и передовых поменять нетрудно. Необходим какой-то символ необретимости.

И на улицах Москвы, а затем Ленинграда, Читы, Харькова. Сыктывкара и многих других городов появляются молодые люди, которые предлагают подписать Обращение в Президиум Верховного Совета СССР о необходимости создания Мемориального комплекса в память о жертвах политического террора - с информационно-исследовательским центром, музеем, библиотекой, архивами, - который должен стать не просто выражением всенародной скорби и Покаяния, но вехой перехода к новой жизни, знаком поворота к исторической правде и общечеловеческим ценностям.

Молодых людей задерживали и штрафовали за нарушение общественного порядка. Но их становилось все больше.

(продолжение на стр.5)

СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ:

ЗА НОРМАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ БЛАГОПОЛУЧНОЙ СТРАНЫ - КОГДА ОНА СТАНЕТ ТАКОВОЙ!

ставите членов Ученого совета? Что же, они должны вас выгнать и становиться подлецами? Это было чисто советское проявление института заложничества. Ну, а поскольку мы были связанны с нашими коллегами не только профессионально, а просто по-человечески, - каждый из нас был друг другу чем-то обязан, - то мы взяли и написали заявление. Чтобы снялась эта напряженность. И в тот же день получили расчет. За два часа, - я никогда не знал, что можно так быстро получить расчет.

- С.А., а в чем, собственно, состояла Ваша общественная активность в тот момент? Открытые письма?

- Да. И главное из них - первое письмо Инициативной группы, авторского коллектива, впервые заявившего себя некоей ассоциацией, специально озабоченной правами человека в ССР. И это был первый коллектив, который прямо обратился за границу - в ООН. Это был май 1969-го. Пятнадцать человек входило в эту группу, и около борока - поддержали. Всех пятнадцать я, наверное, не вспомню. Были Алтузин, Владимир Борисов, Наташа Горбаневская, Толя Якобсон, Татьяна Сергеевна Ходорович, Таня Великанова, Якир, Красин, Саша Лавут, я, Юра Мальцев, Гриша Подъяпольский. Я не могу сейчас вспомнить еще двоих.

- Кто был инициатором этого письма?

- Это сложная и не вполне красавая история. Но она ни для кого теперь не секрет. Инициатором был, вероятно, Красин. Однажды ко мне пришел Саша Лавут и сказал, что на одном собрании, где меня не было, предлагают создать такую группу. Был предложен состав, я тоже там значился. Но на том собрании из 15-ти предложенных, кроме меня, не было еще нескольких человек. И было договорено, что такого-то числа мы встречаемся у Якира и обсуждаем саму идею и возможный текст, с которым мы выступим. Мы сбились. И ждем Якира и Красина. Их нет. Говорят, что они заняты каким-то чрезвычайно срочным и важным делом. И вот-вот приедут. В конце концов они появились и сообщили, что передали первое письмо Инициативной группе иностранным корреспондентам. Тогда было некоторое замешательство. Кто-то сказал, что мы в такие игры не играем. Что так нельзя себя вести. Для чего же мы создаем группу по образцу тех, которые нам не нравятся? Оба они были смущены и объясняли, что можно было это сделать сегодня или никогда. Никто не понимал, почему никогда. Каждый из нас уже имел опыт встреч с корреспондентами.

Вообще, я бывал четок, резок, определенен, когда меня что-то заводят. А тут - два сидельца, люди смельче, а Виктор Красин был еще связан с лагерной легендой сталинских времен, которая основательно базировалась на фактах, - с побегом и почти смертным приговором. И мне как-то неловко было, тем более, что предъявленный текст был вполне хорош. Я что-то промялил про непорядок и сказал, что этот неприглядный факт не надо обнародовать и что, раз уж наши подписи куда-то пошли, то будем считать, что они были. Не будем начинать хорошее дело с разоблачениями. Но вообще-то договоримся, что вперед никогда ничего подобного не будет. Такая договоренность была достигнута, и она потом соблюдалась.

- И как же отреагировали на Вашу активность коллеги? Начальство?

- На первых порах реакция коллег была такой: уважение, смешанное с опасениями, предостережениями. Приходилось встречаться и недоумением: "Ты же нормальный мужик, у тебя нет комплексов. Что ты лезешь самоутверждаться? У тебя же все хорошо в науке. Зачем тебе еще и это?"

Ну, а потом... Израиль Моисеевич предложил мне и Саше Лавуту уволиться по собственному желанию. Правда, в обстоятельствах, когда было совершенно очевидно, что нас выгонят. Приехала некая дама из комитета партии. Ее звали Калашникова. Она проводила университетский партактив. Эта дама, как и естественно для больших партийных людей, все перепутала. Во-первых, она сказала, что мы с биофака. Фамилия Ковалев достаточно распространенная, на биофаке их было несколько штук. Во-вторых, она перепутала Сашину фамилию. И хотя на партактиве прекрасно знали, о ком идет речь, все решили об этом не догадываться. Они так упорно не догадывались, что даже нам про это не сказали. А потом вдруг разнесся слух, что найдены-таки злодеи... И не на биофаке, а тут, в родном корпусе. И вскоре же Гельфанд предложил подавать по собственному. И стал приводить доводы. Довольно очевидные. Во-первых, все равно прогонят. Во-вторых, если мы не уйдем, будет плохо лаборатории или даже она перестанет существовать. В-третьих, мы помешаем Петровскому (тогдашний ректор МГУ. - Ред.) устроить нас на работу, если будем протестовать. И главный довод был нравственный: "В какое положение вы

на самом деле все, кто это были вовсю близки, приходили в это движение вот такими способами: "очень противно, в очередной раз лгать или трусить".

Несколько лет конкретным делом для меня была прежде всего "Хроника текущих событий". Я полагал, что ее существование имело нравственное значение, что важна она была прежде всего для тех, кто ее читал тогда. Хотя, кроме того, она - "Хроника" - летят в глаза и когда-нибудь станет историческим источником.

- С.А., а раньше Вам приходилось привлекать участие в каких-то кампаниях коллектическим приемом?

- Знаете, один раз мне пришлось даже в гораздо худшей кампании принять участие. Моего хорового знакомого выгнали из комсомола - общим собранием выгнали. Я там заступался за него, а потом струсил и проголосовал, как все.

- Вернемся к правозащитной деятельности. Конспирация у Вас была?

- Когда мне приходилось участвовать в "Хронике" - конечно. Это невозможно было делать без конспирации.

- А ареста своего Вы со всей определенностью ждали, или он был для Вас в какой-то мере неизбежностью?

- Конечно, ждал. Точно я знал, что меня арестуют, дни за два-три до ареста. А то, что скоро - с осени 1974 года. Когда Плия Даниэль передал мне разговор с кем-то из КГБ, куда его вызывали. Ему сказали: "Передайте ему, что он не о двух головах". Плия ответил, что он не исполняет поручений, но при случае готов рассказать мне об этом разговоре. Он не торопился мне позвонить или меня увидеть, потому что понимал: моего поведения это не изменит.

Было ясно, что мой арест быстро приближается, когда "Хроника" после длинного перерыва возобновилась.

- А Ваша роль в "Хронике" была велика?

- Когда как. Довольно плотно я занимался "Хроникой" году в 72-м. Потом был перерыв в издании, а после возобновления "Хроники", весной 1974, мое участие в ней, пожалуй, еще увеличилось. Кроме того, был еще один момент. Первые после перерыва три выпуска были представлены на пресс-конференции вместе с коротким открытым письмом, подписаным Великановой, Ходорович и мной. Мы там заявили, что берем на себя ответственность за дальнейшее распространение "Хроники". Это вовсе не значило, что мы объявили себя редакцией. Да это и не так было: Ходорович, например, не имела прямого отношения к этому изданию. Но это было, очевидно, воспринято как вызов и сильно приблизило развязку.

- А как это Вы узнали за два дня, что Вас арестуют?

- Дело было так. Я немножко сыграл и купил себе несколько последних дней свободы. В декабре 1974, после обыска, а обыск был не пустой: так случилось, что у меня дома было много чего - меня отвезли на допрос. Потом отпустили. А потом еще раз вызвали, и я очень долго ждал в приемной, больше часа ждал. Мне это надоело, к тому же я понял, что это некоторая игра на нервах. Я подошел к дежурному пропоршку и сказал: "Знаете, бордель - это учреждение, а бардак - это стили работы. Я ценю свое время. Если меня пригласили на 10, то можно передо мной извиниться за пятнадцатиминутное опоздание, я ведь все-таки в учреждение пришел. Передайте Вашему начальству, что я ухожу". Он чего-то залопотал: "У меня же Ваш паспорт!" - "Ну, отдайте мне мой паспорт, если он Вас тяготит" - "Я не имею права" - "Тогда оставьте его себе".

Взял и ушел. И потом последовали всякие звонки, мне стали медовым голосом объяснять: "Вы должны прийти и забрать паспорт, - ну, уж теперь, когда Вам будет удобно, мы перед Вами виноваты; кстати, он у Вас просрочен, надо продлить..." Это были очень настойчивые приглашения. Мы договорились на 26 декабря. И тут мне сказали, что Андрей Дмитриевич ждет меня в этот день с некими делами, и нам надо кое о чем договориться. А на этом допросе меня, скорее всего, возьмут и, стало быть, к Сахарову я не попаду. Я позвонил, что не могу прийти, как договорились. Мой собеседник был страшно недоволен, но мы перенесли встречу на 10 утра 27-го...

Все эти дни за меня очень активно ходили, один я не ходил ни шагу. Итак, арест, следствие, суд, лагерь... В следствии я не участвовал. С одним исключением. Я заявил, что попробую участвовать в следствии, когда они меня начали, наконец, задавать вопросы по "Хронике", проверять достоверность ее сообщений. Я сказал, что приветствую такой поворот следствия:

АДВОКАТЫ -

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Борис Андреевич Золотухин - член Московской Хельсинкской группы, которая после пятилетнего вынужденного прерыва возобновила свою работу в октябре 1989 года. Борис Андреевич вошел в нашу группу с момента ее возрождения. Это совершенно естественный для него шаг.

В Сопротивление 60-х-70-х годов люди приходили разными путями. Одни - большинство - по велению совести. Другие - в силу интеллектуальной честности. А некоторые - повинуясь профессиональному долгу.

Я знаю Бориса Андреевича 20 лет. Все эти годы он был правозащитником и по своей профессии, и по призванию.

В 1968 году он согласился участвовать в политическом процессе, известном как "Процесс четырех" - Галанскова, Гинзбурга, Лашковой и Добровольского. Борис Андреевич принял на себя защиту Александра Гинзбурга, составителя и публикатора "Белой книги" - сборника документов о предыдущем политическом процессе над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Если первый процесс был процессом над литературой, то на втором обвиняемых судили за открыто занятую ими позицию гражданского неравнодушия и гражданской ответственности.

Открыто, в зале суда, перед враждебно настроенным прокурором и столь же враждебной судебной коллегией, защитник Золотухин отстаивал право своего подзащитного на добросовестную активную гражданственную позицию: "Гражданин может безразлично смотреть на то, как перед конвоями ведут невинного человека, и может вступиться за этого человека... Я думаю, что поведение неравнодушного более гражданственно".

Золотухин настаивал на оправдании своего подзащитного. Он сам знал тогда позицию неравнодушного гражданина и сделал все возможное для защиты. Он знал не хуже, а может быть лучше других, что его защита не увеличивается успехом, а также и то, что он сам не останется безнаказанным. Гинзбург получил по приговору суда 5 лет лагерей строгого режима. Золотухин, как и другие адвокаты, подал кассационную жалобу.

Его защитительная речь на этом суде стала на многие годы последним выступлением Бориса Золотухина в процессах: его исключили из партии, вскоре после этого, по требованию МК КПСС, изгнали и из коллегии адвокатов. От него требовали отречения от своей защитительной речи. Он такое требование выполнить не мог. На 20 лет молодой, энергичный, талантливый защитник был лишен права заниматься своей работой. Исключение Золотухина из адвокатуры - один из наиболее драматических эпизодов правозащитного периода нашей истории.

Таким, как Борис Золотухин, Софья Калистратова, Дина Каминская, Юлий Ким посвятили песню "Адвокатский вальс":

ПОЗИЦИЯ БОРИСА ЗОЛОТУХИНА

Три причины привели Россию к кризису:

ЛОЖЬ. Она разделила власть и народ, сделала скучными наши уроци, опустошила наши прилавки, разрушила нравственность, вызвала рост преступности;

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА привело к неисчислимым жертвам, к страху перед произволом, унизительной зависимости от всесильного аппарата;

ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ СРЕДИ ДРУГИХ НАРОДОВ СОЮЗА. Россия помогала всем народам, несла самую неподъемную ношу и обнищала больше других республик.

Выход из кризиса зависит от дальнейших ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. Первый съезд народных депутатов РСФСР должен покончить с властью бюрократии, разработать и ввести в действие демократическую Конституцию РСФСР, законодательно закрепить суверенитет России в рамках Союза. В ведении Союза могут находиться лишь те права, которые ему добровольно переданы республиками. Законы Союза вступают в действие на территории России только после их ратификации высшим органом законодательной власти. Коммунистическая партия должна быть лишена монополии на власть. Статья 6 Конституции РСФСР подлежит немедленной отмене. России нужна многопартийная система - единственная гарантия независимости законодательной, исполнительной и судебной власти. Запрет подает только те политические и общественные организации, которые проповедуют идеи насилия, расовой, национальной, религиозной исключительности и вражды.

Судебная власть должна принадлежать народу в лице суда присяжных. Это обеспечит реальную независимость суда и справедливость приговора. Никто не может быть заключен под стражу без решения

"Откуда берется охота,
Азарт, неподдельная страсть, -
Машинам доказывать что-то?..."

Правдивое русское слово -
Луч света в кромешной ночи.
И все будет вечно хранено,
И все же ты вечно звучи."

Двадцать лет не прерывалась правозащитная эстафета: она переходила из рук в руки. Свое место в этой живой цепочке правозащитников занимали наши лучшие адвокаты; их имена я уже называла. И хотя Борис Золотухин злы姆 умом был выхвачен и выброшен из этой "круговой поруки добра", но он не оставил свой пост. Эти двадцать лет мы, правозащитники-непрофессионалы, знали: в любой момент мы получим добровольательную, высококвалифицированную, совершенно бескорыстную неофициальную юридическую помощь Бориса Андреевича. Я сама не раз обращалась к нему с просьбами - никогда, ни разу не было отказа. Это была не просто профессиональная помощь - но всегда дружеское участие. Так мы и сохранили нашу связь в течение этих двадцати лет безвременья.

Я счастлива теперь работать вместе с Борисом Андреевичем Золотухиным в возрожденной Хельсинкской группе.

Несколько слов о группе. Это неформальная, добровольная правозащитная организация. В нее входят правозащитники 60-80 лет.

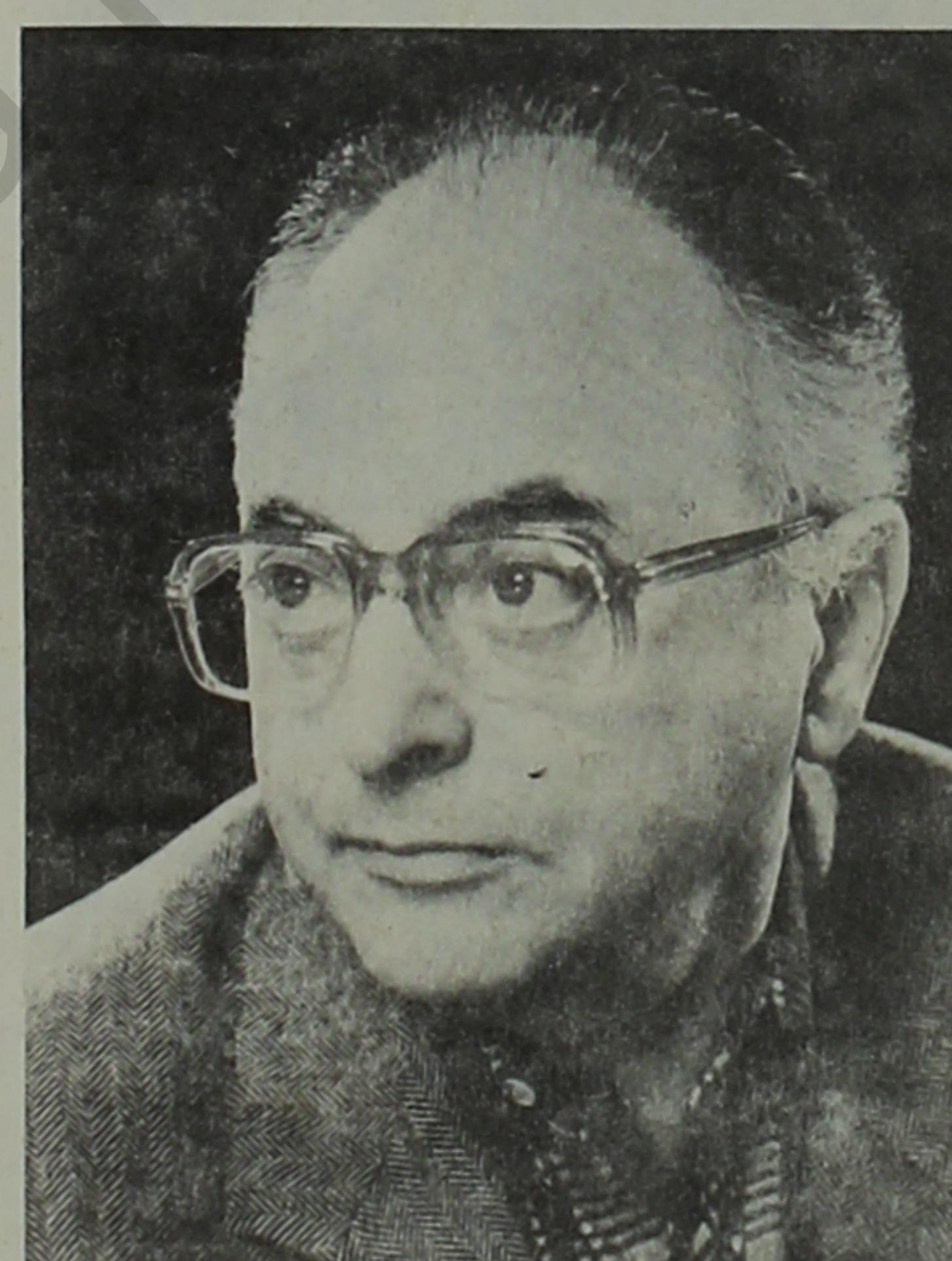
Нужна ли такая организация сегодня, когда все, кажется, согласны, что необходимо строить правовое государство, в котором права граждан будут защищаться не только приносящими в жертву свои судьбы добровольцами, но и самим Законом?

Я хочу напомнить: борьба за права человека, за Право - не может прекратиться ни при каких, даже самых благоприятных условиях. Само общество всегда должно участвовать в этом бесконечном процессе, только при этом условии можно надеяться на его успешность.

А само строительство правового государства, столь необходимого каждому гражданину страны, чувствующему свою ответственность за ее будущее, за будущее наших детей, - само это строительство нуждается в таких компетентных, энергичных, бескорыстных и честных работниках, как Борис Золотухин. Он был и остается защитником Права, правозащитником.

Вот почему я призываю всех вас голосовать за его кандидатуру в депутаты высшего органа власти Российской Республики.

Лариса Богораз, руководитель
Московской хельсинкской группы

суда. Граждане России должны быть защищены от произвола административной системы. Узники совести должны быть безотлагательно реабилитированы.

Необходим переход от гласности к свободе печати с предоставлением права бесцензурной издательской деятельности общественным организациям и частным лицам.

Пора обеспечить истинную, а не показную свободу совести, вернуть храмы верующим.

ПРАВОЗАЩИТНИКИ ПО ПРИЗВАНИЮ

ВЫСТУПЛЕНИЕ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА
НА ГРАЖДАНСКОЙ ПАНДЕМОНИИ
ПО СОФЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КАЛИСТРАТОВОЙ
(8 декабря 1989)

У нас большое горе сейчас, мы осиротели, потому что мы чувствовали, что отношения наши с Софьей Васильевной - это не формальные отношения, а отношения старшего человека, умудренного жизнью и опытом, и юридическими знаниями и человеческими, с более молодыми.

Я впервые услышал имя Софьи Васильевны Калистратовой почти 20 лет тому назад в связи с ее защитой Петра Григорьевича Григоренко. Несколько дней назад я, как, наверное, и другие, имел возможность в "Московских новостях" вновь прочитать ее слова об этом замечательном человеке. Между этими датами - большой кусок жизни и Софьи Васильевны, и моей, и всей наших людей. За это время я знал ее как человека умного, волевого, доброго. У нас возникли личные, сердечные отношения. Я почувствовал ее теплоту по отношению к моим близким, причем теплоту, не индуцированную тем, что они - мои близкие, а исходящую прямо и непосредственно от взаимной симпатии, взаимных чувств.

Софья Васильевна на протяжении нескольких лет отвечала на письма, которые целями горами приходили ко мне. Это были письма трагические, письма-просьбы о помощи, и Софья Васильевна отвечала, составляла советы, и житейский опыт, и юридические знания давали ей возможность это делать. Вообще Софья Васильевна умела находить правильные, безошибочные ходы в том "законном беззаконии", в котором мы и вы должны были действовать и в котором она действовала.

Это были безошибочные ходы, правильные, но, конечно, они далеко не всегда приводили к результатам. Это уже зависело не от Софьи Васильевны. Все, что можно было сделать, она делала, и ее теплота, ее человеческий контакт - это, может быть, было самым главным.

Если попытаться в двух словах определить главное, доминантное в ее натуре, то, по-моему, это должны быть два слова: справедливость, стремление к справедливости, и доброта, стремление по-человечески помочь человеку, помочь ему, может быть, в самый трудный момент его жизни.

Дальнейшие политические преобразования должны основываться на гуманистических идеях нашего великого современника - АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА.

Судьба перестройки зависит от неотложных экономических мер. Необходимо насытить потребительский рынок, закупив уже в этом году ИМПОРТНЫЕ ТОВАРЫ на 25 млрд. долларов, и, чтобы сдержать инфляцию и укрепить рубль, изъять вырученные от продажи 250 млрд. рублей из Госбанка и уничтожить.

Безответственная и оскорбительная для народа АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ привела к росту наркомании, создав искусственные трудности с сахаром. Необходимо нормализовать государственную торговлю спиртным с одновременным снижением розничных цен на спиртное в ДВА РАЗА. Сегодня в СССР расходы на спиртное поглощают 13% семейного бюджета.

Долгосрочная экономическая программа должна быть основана на том, что доказано мировым опытом. Экономика обязана работать на потребителя, а не на показатели плана, и включать: рынок как регулятор хозяйства; экономическую самостоятельность предприятия; антимонополистическую политику; равенство всех форм собственности - государственной, акционерной, кооперативной, частной; механизмы социальной и экологической защиты; широкое сотрудничество с зарубежными фирмами, создание совместных предприятий и зон освобожденной торговли. Нам необходима передовая западная технология, без нее наши товары никогда не выйдут на мировой рынок, а конвертируемый рубль останется несбыточной мечтой.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ проблема не может быть решена без радикального ЗАКОНА О ЗЕМЛЕ. Тот, кто хочет работать на земле, должен получить свободу выбора формы ведения хозяйства, как и гарантии от любого "раскулачивания". Земля передается по выбору земельельца в бессрочную аренду или частную собственность.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС в России может быть решен только демократическим путем на основе равноправия всех насеявших ее народов. России нужен гражданский мир, а не гражданская война.

Осуществление предлагаемых мер даст возможность России выйти из нынешнего кризиса. Отступать нам некуда.

Конечно, это не все, что было в Софье Васильевне. Она была многосторонним человеком. У нее была своя личная судьба, свои проблемы. Все это в ней соединялось и делало ее полной, настоящим человеком. Но вот эти стремления, я думаю, что именно они: доброта и справедливость, чувство, стремление к справедливости, - сделали ее адвокатом, настоящим, как это уже сказано было, адвокатом по призванию.

И это же потом свело ее с иначеющими, и Петром Григорьевичем и со многими другими, и сделало ее главным адвокатом этого мира. Причем на этом пути от Софьи Васильевны требовалось еще одно качество: удивительная смелость и качество борца. Качество, умение бороться за праведное дело и интеллектуально, и не жалея физических сил, которых у нее становилось с годами все меньше и меньше. Но она продолжала делать гораздо больше, чем на самом деле можно было, чем могла она делать по своим физическим силам, но она через "не могу" делала так, как велело ее сердце.

Мы сейчас прощаемся с ней.

Я хочу выразить свое соболезнование дочери, всем ее близким.

Спи спокойно, дорогая, любимая Софья Васильевна!

Слово Б.А. Золотухина
на гражданской панемонии 8 декабря 1989 г.
в память С.В. Калистратовой

Прощаясь с Софьей Васильевной Калистратовой, мы провожаем в последний путь великого адвоката нашего времени, чье место в одном ряду с такими корифеями отечественной адвокатуры, как Александр и Спасович, Карабиевский и Урусов, Жуковский и Андриевский...

Все, что было сделано Софьей Васильевной в адвокатуре до конца 60-х годов, снискalo ей любовь и признание товарищей по профессии. С конца 60-х годов участие Софьи Васильевны во многих политических процессах принесло ей мировую славу. Ее имя стало символом чести, бесстрашной и независимой адвокатуры. Ее речи были речами адвоката незапятнанной совести и непреклонного мужества. Особая покоряющая сила ее речей была в высоте нравственной позиции. В жизни и в суде Софья Васильевна была страстным борцом против произвола и насилия, против попрания закона.

В политических процессах тех тяжелых лет отразился конфликт между тоталитарным государством и нарождающимся гражданским обществом. В этом конфликте Софья Васильевна осознавала себя полномочным представителем общества, и потому каждая ее речь становилась ярким выражением общественной жизни. Все, кто в годы безвременья отваживался бросить открытый вызов давней системе, видели в Софье Васильевне своего первого и истинного защитника. Они были твердо уверены в том, что в удушилой атмосфере политических процессов, в залах, где царили ложь и лицемерие, прокурорам без чести, судьям без совести будет противостоять Софья Васильевна Калистратова - воплощенная честь и совесть.

Вспомню только одно из многих дел Софьи Васильевны. В 1968 году горстка смельчаков, протестуя против вторжения в Чехословакию, отважилась выйти на Красную площадь с лозунгом: "За вашу и нашу свободу!" То, о чём пророчески говорила тогда в своей речи Софья Васильевна, сбывается в наши дни.

Сегодня мы живем в ожидании суда присяжных. Он неминуемо вызовет расцвет адвокатуры, появление новых ярких талантов. Но среди самых громких имен отечественной адвокатуры прошлого и будущего имя Софьи Васильевны Калистратовой всегда будет окружено особой любовью и почитанием. Ее жизнь, ее подвиг не забудутся никогда.

по закону он должен был произойти уже давно и стать началом конца этого дела. Я в это не очень верил. Но что же мне не содействовать следствию, если оно, наконец, хочет проверить, правдива ли "Хроника", или она - клеветническое издание.

В суде я хотел участвовать, но мне не дали. Впрочем, все было заранее известно.

- С.А., могли бы Вы сказать, что для Вас было особенно важно в лагере и ссылке? Ощущали ли Вы там необходимость каких-либо особых жизненных принципов?

- В лагере я ничего нового не увидел. Я все о лагере знал раньше. Тем не менее, в лагере было очень интересно. Встречаясь очень много людей с разными судьбами. Многие из них интересны и очень достойны.

Для меня существенно было то, что в лагере хорошо думается. Среди всей сути есть время подумать о вещах, о которых, на самом деле только там и думаешь. Вот поселили в ШИЗО - там и думаешь.

И еще одна вещь. Даже трудно сказать как, но Вы знаете: есть многие за забором, которые внимательно следят за вами, думают о вас. Есть ощущение, что все это не бесцельно. Есть постоянное ощущение, направленной на тебя оттуда любви.

Есть повседневные дела. Ну вот, поселили кого-то в карцер, и точно знаешь, что, если мы не заступимся, то его замордуют. Лишили свидания - грубо, без всякого повода. И знаешь: если мы взбунтуемся - свидание не вернут. Но если просидим тихо, то лишат всех... Мы подняли шум - никого не выпустили из ШИЗО или из ПКТ, но другого не посадили, и этому не добавили. Лагерные будни, на самом деле, сводятся к этому, а не к ощущениям, что ты важен для истории.

И все-таки, что бы там ни говорили, лагерь - очень тяжелое испытание. Не потому, что холодно и голодно, и не спишь подолгу. Не только потому. Там вы котей чувствуете постоянное злобное внимание к вам. И постоянное желание вас унизить. Унизить глупо, цинично. И что бы там ни говорили, это - страдание. Во всяком случае, для человека моего склада.

- Новая эпоха, перестройка... Когда Вы ощущали, что что-то меняется?

- Это трудно датировать. Лара Богораз считает, что с тех пор, как на экранах пошло "Покаяние". Потом, я с нею согласен. До этого меня в Калинине гэбэшники спрашивали, что я думаю о каком-нибудь выступлении на съезде. Я отвечал: "Потивем - увидим".

- Ваша "звезда" как политика - извините за, может быть неудачные слова, - начала восходить в 1988 г., после встречи с президентом Рейганом. Какое впечатление на Вас произвел Рейган?

- Да, честно сказать, никакого. Он произнес довольно красивую и продуманную речь. Если бы я был уверен, что он сам ее писал, я бы сказал, что он образованный и неглупый человек. Он выглядел очень усталым. Старый, усталый человек. Сама понимаете - ну что я могу понять по такой встрече... Наверное, он не случайно оказался президентом, наверное, он человек с характером. А сколь он глубок - не знаю. На самом деле, каким должен быть президент? Он должен понимать, кому верить. Кому поручить то, а кому - это. Наверное, Рейган был хорошим президентом.

- С этого момента люди, активно интересующиеся политической жизнью, стали воспринимать Вас как активное действующее лицо реальной политики, хотели Вы того или нет. И сейчас Ваша жизнь бросила в самую гущу... Как Вы понимаете свою роль реального политика в текущий момент и в ближайшем будущем?

- Я готов нескромно утверждать, что кое-что понимаю в Праве. И, если бы меня избрали в Парламент, причем действующий в нормальных парламентских условиях, я выступил бы с законодательными инициативами и старался бы работать в комиссиях. Если бы это было возможным - прежде всего, в Конституционной комиссии, чтобы пытаться разрабатывать новые формы федерализма.

Но сейчас в стране такой момент,

когда брайд ли возможна такая спокойная парламентская работа с большим вниманием и процедуре (а это имеет исключительную важность!). В нашей уже совсем тревожной обстановке мне кажется, может потребоваться стойкость. Я думаю, что некоторой долей стойкости обладаю.

Идеально было бы, если Съезд настойчив не на роли "выборщика" Верховного Совета, а на роли, если хотите, Учредительного собрания. Оформил бы конституционные принципы, учредил бы конституционную комиссию, сформулировал бы принципы еще целого ряда областей законодательства, - срочных, горящих: о собственности, о земле, о свободе слова, о печати, о выборах, о чрезвычайном положении. Пусть это будут только основы законодательства, только четкие принципы. Постарался бы Конституцию, подготовленную комиссией, обсудить и принять. И распустил бы сам себя. И назначил бы новые выборы в Парламент. На основе нового закона.

- С.А!, в чем Вы видите смысл закона о чрезвычайном положении?

- Чрезвычайное положение - это прямой и очень легкий способ совершил переворот. Это положение, при котором исполнительная власть обладает чрезвычайными полномочиями и которое просто просится на то, чтобы изменить порядки. Закон должен гарантировать от такой возможности. Он должен ставить ситуацию под контроль законодателя. В хорошо разработанных чрезвычайных законодательствах парламент обязан не прерывать своей сессии в течение всего действия чрезвычайного положения. Запрещается вносить изменения в Конституцию, в сколько-нибудь существенные разделы законодательства. В условиях чрезвычайного положения нельзя проводить новые выборы. Вообще, чрезвычайное законодательство должно иметь одну цель: вернуть страну в нормальные демократические условия.

- Вы сказали, что возможно, придется проявить стойкость. По отношению к кому? Кого Вы видите потенциальными политическими оппонентами?

- Вероятно, традиционное "агрессивно-послушное большинство", по выражению Юрия Афанасьева. Я допускаю, что оно будет преобладать на Съезде.

- Допускаете ли Вы появление новых оппонентов?

- Разумеется. Ну, например, "отечественники", или как они там себя называют.

- Допускаете ли Вы возможность появления оппонентов со стороны ультраправых демократов и популистов?

- Я не думаю, что это крыло окажется многочисленным и влиятельным. Я думаю, что демократический блок будет с ними в союзе. Это будут разные фракции одного направления. И они могут оказаться даже внутри нашего блока. Для меня они, несомненно, останутся оппонентами. Но, наверное, это тот случай, когда оппоненты могут добросовестно действовать вместе. В будущем - брайд ли скоро, - представители этого направления действительно могут стать главными оппонентами для людей моего образа мыслей.

- Основа Вашего политического образа мысли - это эволюционный путь?

- Конечно. Как я устроил бы общество, если бы имел такую возможность? Я имел бы консервативное правительство, потому что радикальное правительство - это ужасно. Мы уже накапливали этих вещей. Но - правительство, имеющее мудрость и мужество поддаваться давлению. И общество, которое имеет и мудрость, и мужество постоянно оказывать это давление, понимая, что правительству надлежит быть консервативным. Такая у него служебная роль.

Вот нормальный путь развития в благополучной стране, когда она станет такой.

Спасибо.

Интервью взял В. Коган-Ясный
9 февраля 1990 г.

СВЯЩЕННИК - ПРАВОЗАЩИТИК

В начале 60-х годов Русская Православная Церковь (опубликовано в журнале "Слово", №12, 1989 г.): "Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника, Якунина и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждают, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику (т.е. патриарху Алексию - А.Б.). Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение - до самоистребления, до которого доведена русская Церковь: они просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое слово их было правда... И как же

"ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ".

(начало на стр. 1)

кропотливая работа. Теперь, после того как первая закладка будет отпечатана, все экземпляры (кроме тех, что отправятся в архив, в рабочую собственность, так сказать, "издательства" и за границу - с 1974 года выпуски Хроники регулярно переиздаются в Нью-Йорке) будут вновь распечатаны и разданы по "ближним" рукам. И пойдут копии по стране - из рук в руки, из рук в руки, задерживаясь для новых перепечаток, по тем же маршрутам, по которым полтора-два месяца назад кочевали листочки с информацией. Только в обратном направлении.

Так делалась "Хроника текущих событий" - первый в Союзе правозащитный информационный бюллетень.

Проходили годы. Конечно, многое менялось. Менялся, и неоднократно, состав людей, готовивших выпуск "Хроники": кого-то сажали, кто-то уезжал в эмиграцию, кто-то отходил в сторону. Изменялось число и характер источников информации; появилась правозащитные ассоциации, выпускающие собственные бюллетени, так что к началу восьмидесятых "Хроника" в значительной степени базировалась на обзоре других самиздатовских источников. Менялись объемы: уже не 15-20 страниц машинописи, а толстые папки по 100-150 страниц. Соответственно увеличился интервал между выпусками: если в полулегендарные времена первоиздателей - Наталья Горбаневской, Ильи Габая, Анатолия Якобсона (этот список отнюдь не полон даже для 1968-1969 гг.) - "Хроника" выпускалась раз в полтора-два месяца, то к концу 70-х дай Бог было сделать два-три номера в год. Но неизменными оставались принципы "Хроники":

- стремление к достоверности, точности и полноте информации;
- абсолютная объективность;
- полное отсутствие эмоциональных оценок;
- ответственность в работе, над материалом.

Насколько удавалось соблюсти эти принципы? Когда арестованный за участие в "Хронике" Сергей Ковалев сидел в Вильнюсской тюрьме, следствие рыло носом землю, чтобы изобличить издателей в публикации лживых или хотя бы ошибочных сведений. Ковалеву инкриминировалось 7 выпусков - с 28-го по 34-й. Эти выпуски содержат, по его подсчетам, что-то около

700 сообщений. После пристрастной проверки силами сокзного КГБ и местных управлений, обнаружилось, считает Ковалев, 11 эпизодов, вызвавших сомнение, и две явные ошибки. В одном случае Хроника сообщила, что в результате попытки к бегству был убит некий политзаключенный - а он был всего лишь тяжело ранен; во втором случае был перепутан - заявлен! - срок заключения. Замедло ложных сообщений не оказалось вовсе...

"Хроника", видимо, поставила своего рода рекорд долголетства в истории российской подпольной периодики - она держалась более 15 лет, с 1968 по 1983 год.

Держалась, несмотря на непрекращающиеся аресты ее участников, распространителей, информаторов. Илья Габай, Наталья Горбаневская, Габриэль Суперфин, Сергей Ковалев, Евгений Шаханович - это герои лишь наиболее знаменитых судебных процессов по "Хронике". Почему так долго "Хронику" не могли задавить? У КГБ не хватало сил? сыскного профессионализма? решимости? Наверное, дело все же в том, что карательный аппарат столкнулся здесь не просто с горсткой неопытных в конституции интеллигентов, а с сильнейшей, хотя и не всегда осознаваемой, потребностью общества в правдивом и ответственном слове, сказанном собою - о себе...

Мы выходим из метро на Пушкинскую площадь. Вокруг продают самиздатовские газеты - толпа. Продают "Свободное слово" (Демоско), "Гражданское достоинство" (кадеты), "Черное знамя" (анархо-синдикалисты). Продают "Гласность", "Вестник христианской демократии" и "Экспресс-хронику". Продают литовские "Согласие" и "Возрождение", латышскую "Атмоду", эстонский "Дайджест", парижскую "Русскую мысль". Много чего продают. Прекрасное оформление, компьютерный набор, приличные тиражи, гражданский пафос. Без страха продают, без опаски покупают. А нам все мерещатся те, совсем недавние, сколотые скрепки, папиресные листки. И слепая машинопись. И толпы у парадных, и черные "Волги", увозившие наших друзей в никуда. И песенка с магнитофонной ленты:

Пусть пока всего четыре копии.
- Этого достаточно!

А.Д.

В 1987 году Глеб Якунин вместе с другими 150 узниками совести был досрочно освобожден по амнистии из ссылки.

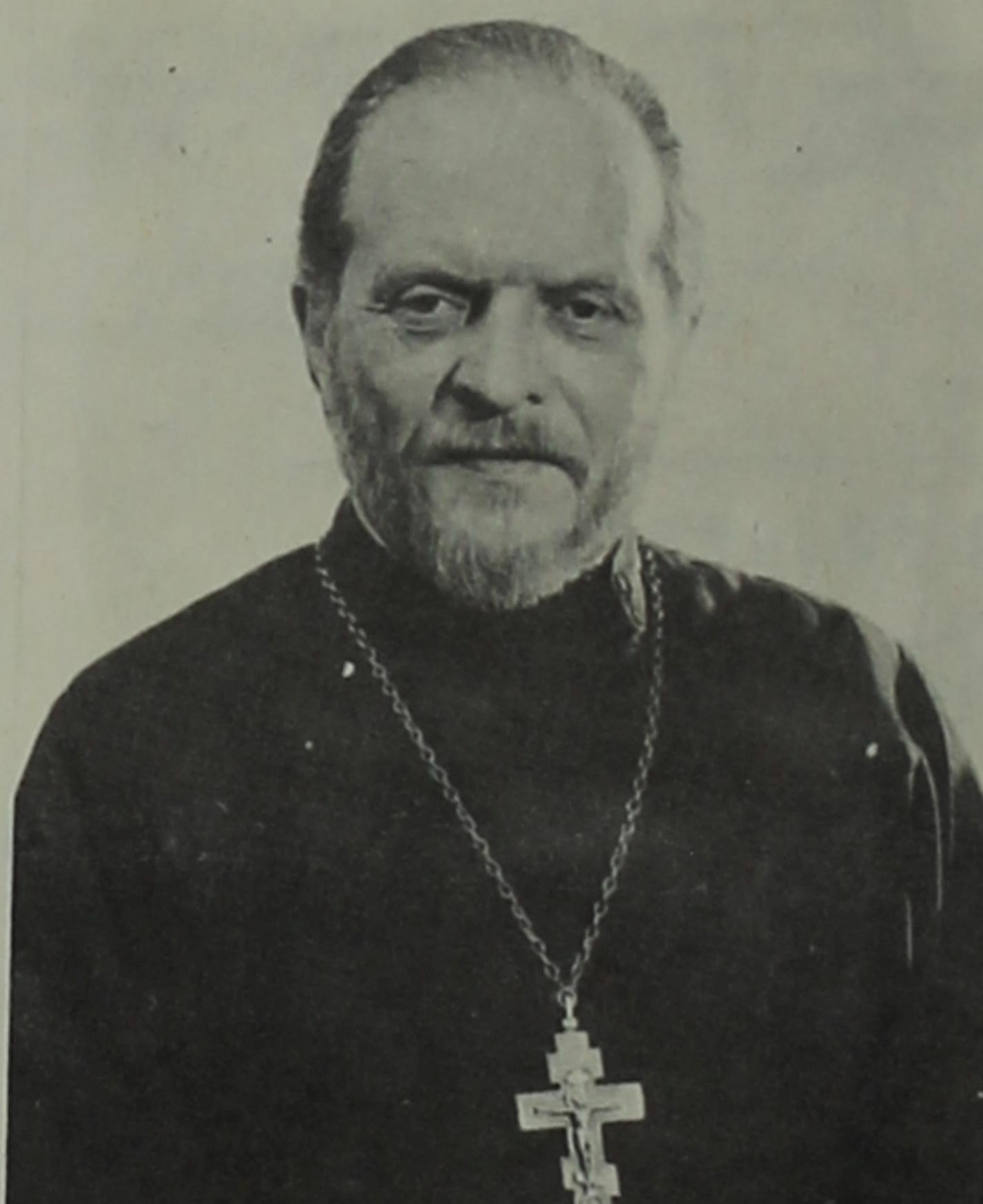
Службу в храме отец Глеб сочетает с многообразной деятельностью, направленной на возрождение нашего общества. Это задачу он считает невыполнимой без участия Церкви. Но для того, чтобы сделать это, Церковь сама должна возродиться, очистившись от многих деформаций, унаследованных от страшных лет сталинщины. Необходимо также сказать всю правду о недавней истории Церкви и государства, включая трагическую и светлую правду о новых мучениках, а также печальную и горькую правду о недопустимости участия в служении культу Сталина.

В настоящее время отец Глеб участвует в движении "Церковь и перестройка", которое ставит следующие задачи: христианское просвещение - миссионерство, в частности, среди молодежи, оживление и демократизация жизни приходов, участие в благотворительной деятельности, восстановление храмов, организация церковных кооперативов, являющихся примером сочетания производительной деятельности и христианской нравственности и т.д.

Г.П. Якунин также является членом "Мемориала" - движения, ставящего целью восстановление правды о жертвах массовых репрессий и участие в построении гуманного демократического общества.

Общественная активность отца Глеба не соответствует нашему привычному представлению о священнике, который, как считается, должен лишь участвовать в "отправлении культа". На самом деле это давнее и вредное заблуждение, традиционное в русской истории, особенно в советский период. Евангелие призывает к жертвенной любви, к активному служению Доброй и Правде. "Блажены изгнанные Правды ради", говорит Христос.

Отец Глеб считает, что преодоление кризиса и подлинное возрождение в нашей стране невозможны без достижения Свободы. Свободы внутренней, что означает познание Истины - духовное преображение. И свободы внешней, условием которой является построение правового государства, сочетающего принципы свободы, социальной справедливости и милосердия.

ответили им? Самым простым и грубым - отвергли от богослужения".

Так началась общественная деятельность Глеба Павловича Якунина - православного священника, служившего ныне в Никольской церкви г. Щелково и выдвинутого кандидатом в народные депутаты РСФСР по 11 национально-территориальному округу.

После запрещения в служении отец Глеб работал в храме на низших должностях и одновременно участвовал в правозащитной деятельности, предавая гласности случаи незаконного преследования граждан нашей страны, в том числе и верующих. В это время он познакомился с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, сотрудничая с ним и с другими правозащитниками в опасном в то время и благородном деле защиты прав человека.

В 1979 году Якунин был арестован и после полутора лет заключения в Лефортовской тюрьме был осужден по ныне отмененной 70-й статье УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и приговорен к пяти годам лагерей и последующей ссылке.

В ЦАРСТВО СВОБОДЫ ИЗ ЦАРСТВА ТЕНЕЙ

(начало на стр. 2)

Так - "снизу" - зарождалось Всесоюзное движение "Мемориал". Сегодня оно действует в 192 городах страны и даже за рубежом.

1988-й. Учредителями Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества "Мемориал" становятся творческие Союзы ССР - кинематографистов, театральных деятелей, художников, дизайнеров, архитекторов, журналы "Огонек" и "Литературная газета".

В общественный Совет вошли Ю. Афанасьев, В. Каракин, А. Адамович, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Быков, Г. Бакланов, Л. Разгон, Б. Ельцин, А. Рыбаков, М. Шатров. Почетным председателем стал А. Сахаров.

1989-й. Каковы плоды деятельности Общества за год, прошедший после январской Учредительной конференции?

Это - Научно-исследовательский центр, субсидируемый американо-советским Фондом "Культурная инициатива" (Фондом Сороса), как один из важнейших гуманитарных общественных институтов. Это десятки тысяч документов и реликвий, которые могли бы стать гордостью любого музея. Экспедиции по Архипелагу ГУЛАГ. Первые в стране: Всесоюзный Форум "Десталинизация сознания", Международный семинар по устной истории, Всесоюзный фестиваль школьного политического театра, вечера "Репрессированная церковь" и "История правозащитного движения". Постоянно действующий семинар по истории ГУЛАГа. Это благотворительные вечера и выставки, сборы с которых дают возможность оказывать постоянную материальную помощь нуждающимся из бывших репрессированных. Работа юридической консультации, многопрофильной медицинской группы, школьной секции, которой руководят САМИ (Советская Ассоциация молодых историков). Это две тысячи писем ежемесячно. Это митинги в Лужниках. "Цепочка памяти" вокруг оплота тоталитаризма - Лубянки. Правозащитная деятельность. Участие в выборах. Незарегистрированному "Мемориалу" удалось через организации, поддерживающие движение, выдвинуть депутатами ССР почти всех членов Общественного Совета.

Что же такое "Мемориал"? Политическая ли организация? Или благотворительная - нечто вроде общества "Милосердие"? Или что-то вроде НИИсталинизма? Не слишком ли эклектична его программа? Не размыты ли цели? Не слишком ли разбросана деятельность?

"Мемориал" лягут и справа и слева.

Слева: "затягиваете с властями", "недостаточно радикальны".

Справа: "политицизируете", "выходите за рамки, ограниченные называнием: историко-просветительское". И наконец, самое "страшное": в "Мемориале" есть члены Демсозюза!

В каждом из упреков доля правды. Но возможно, именно поэтому "Мемориал" обречен на долгую жизнь: его широкая программа - десталинизация общества и сознания - расчитана не какой-то определенный отрезок истории или сектор географического пространства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, КОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ СИЛЫ, С КЕМ БЛОКИРУЕТСЯ СЕГОДНЯ "МЕМОРИАЛ", СТАВЯТ СВОЙЮ ЦЕЛЬЮ, ДОСТИГАЮТСЯ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ИЗМЕНЯЕТСЯ ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ СОЦИУМА. ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСПЕХИ ДОСТИГАЮТСЯ РАНЬШЕ, ЧЕМ ОСВОБОДЯЮТСЯ ДУХ И РАЗУМ ОТ ТЕНЕЙ И ПРОШЛОГО.

Эти тени идут по пятам самых радикальных радикалов и самых демократичных демократов. Тотальное сознание и до сих пор стремится к поклонению идолам, к сотворению образа "иноверца", "врага". Для одних это - кооператор, для других - аппаратчик, для третьих - член КПСС, для четвертых - член Демсозюза. Тоталитарное сознание и сегодня делит граждан на "чистых" и "нечистых". Тени прошлого настигают нас, как греческие Эринии. И вот иной радикал подвергает остроклизму диссидентов нового толка: не давая себе труда разобраться в аргументации оппонента, припечатывает - "аппаратчик", как прежде - "антисоветчик".

"Мемориал" - за непредвзятое восприятие любой идеи, явления, человека, против тотальной глупости. Вот почему курс "Мемориала" на последовательную десталинизацию сознания - с этическим, более чем с политическим уклоном, - не находит подчас отклика у общества, разделенного на "военные" лагеря. Одним он кажется излишне политизированным, другим -apolитичным.

В некотором смысле "Мемориал" - организация будущего. И послезавтра еще придется снимать семидесятилетие напластования с самосознания общества.

"Мемориал" выполняет роль то авангарда - участвуя в создании нового правового мышления, то арьергарда -

"подбирая" не успевавших за стремительным авангардом, терпеливо просвещая отставших от времени, выложивая пострадавших на "поле боя".

"Мемориал" считает себя преемником гуманистических традиций правозащитников 60-х-70-х. Были ли правозащитники политическими деятелями? Да, судили их по "политическим статьям". Нет, сами они себе политиками не считали, смешав акценты на нравственность и этику взаимоотношений государства и человека, на общечеловеческие ценности, считавшиеся "переливом капитализма". Но во все века борьба свободным духом гуманистов с актами духовного и физического насилия, борьба за права человека становилась борьбой политической. Особенно в тотальном обществе.

Так и с "Мемориалом". Историко-просветительское общество, занимающееся к тому же благотворительной деятельностью, не может и не должно проводить водораздел между историей, нравственностью и политикой.

Если мы говорим о необходимости дать оценку порожденному сталинщиной раскрепощению и вернуть землемельцу право на землю - что это: история или политика?

Выбирая пути развязывания национальных узлов, завязанных в 20-е-50-е годы, смеем ли мы делить их на исторические, политические и нравственные?

Мы настаиваем на признании со стороны общества и государства долга жертвам репрессий - это исторический, политический или гуманистический подход?

Требование свободы слова, вероисповеданий, собраний, полной реабилитации всех осужденных по политическим мотивам и за религиозные убеждения - политический экстремизм или нравственный императив?

Общий дом горит. Подчас не знаешь, за что хвататься в первую очередь. И чтобы все не погибли в панике и суете, каждый должен спасти то, что ему самому дорого: кто-то стариков, кто-то - молодежь, кто-то - идеи и нравственные ценности. А кто-то должен уже сейчас проектировать новый дом. На новом фундаменте старых общечеловеческих ценностей, гуманизма, прав человека.

Именно этим - строительством нового дома - уже давно занимаются те, кого сегодня "Мемориал" выдвигает кандидатами в народные депутаты Верховного Совета РСФСР.

Один из них - Эрнест Николаевич Аметистов - (выдвинут группой "Мемориала" Института физики земли по Краснопресненскому избирательному округу №22 города Москвы), специалист по международному праву, доктор юридических наук, который 20 лет теоретически разрабатывал и пытался привести в жизнь то, что сейчас вошло в его предвыборную платформу: "Советское законодательство о правах и свободах граждан должно полностью соответствовать международным нормам о правах человека. Международные договоры ССР и РСФСР по правам человека должны иметь приоритет перед внутренним законом и непосредственно применяться в судах."

Есть в его программе необычное предложение: "Представить гражданам, исчерпавшим все внутригосударственные средства правовой защиты, право обращаться в комитет по правам человека при ООН. Для этого ратифицировать Текущий Протокол к Международному Пакту о гражданских и политических правах".

И еще один интересный пункт: "Учредить при Верховном Совете РСФСР и Верховных Советах автономных республик пост Народного Защитника - независимый орган, состоящий из лиц, пользующихся авторитетом и имеющих широкие полномочия по расследованию любых нарушений прав и свобод, а также имеющих право возбуждать дела в суде".

Эрнест Аметистов принимал участие в деятельности "Мемориала" с первых его шагов, помогал в составлении Устава и Программы Общества. Он один из первых выступил против антинародных указов о проведении митингов и демонстраций, против антидемократических положений Закона о выборах в Верховный Совет (об окружных комиссиях и выдвижении депутатов от общественных организаций), за выявление и наказание виновников афганской трагедии.

"Мемориал" подписывается под его словами в предвыборной программе: "Вижу будущую Россию не центром имперской власти, а суверенной независимой республикой, равной среди равных в новой советской конфедерации, свободной страной свободных людей. Подлинная слава России - служить примером демократии, свободы личности и мысли, национального мира и веротерпимости."

Карина Мусазян, сопредседатель московского "Мемориала"

НЕ РАСТЕРЯТЬ САМОЕ ЦЕННОЕ.

Давным-давно, на исходе 1878 года Салтыков-Щедрин писал Павлу Васильевичу Анненкову: "Хотелось бы и трагического попробовать - после болезни меня все в эту сторону тянет. В виде эпизода хочу написать рассказ "Паршивый". Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье, среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насыщивают "Боле царя храни". И все ему говорят: стыдно, сударь! У нас царь такой добрый - а вы что? Вопрос: прожлял ли жизнь этот человек, или остался он равнодушен ко всем надругательствам и все в нем старая работа, еще давно, давно до ссылки начатая, продолжается. Я склоняюсь к последнему мнению. Ужасно только то, что вся эта работа в заколдованный клетке заперта. И этот человек, недоступный никому трагизму (до всех трагизмов он умом дошел), делается бессилен против этого трагизма. Но в чем выражается это бессилие? Я думаю, что не в самоубийстве, а в пустом окаменении. Нет ничего, кроме той прелой работы - и только."

Я не собираюсь комментировать это письмо, в котором вместе - отчаяние и мудрость, несправедливость в отношении людей, которых перемена реалии освободила от неволи, и преклонение перед несгибаемыми, преклонения, в каком слышится упрек и самому себе. И точно также не собираюсь я применять щедринский текст к нынешнему времени, ища прямых совпадений или разительных отличий. Привел же эту обширную выдержку из письма, которое сыграло некоторую роль в моей жизни, с другой целью.

Далеки пределы наших затронута тема едва ли не вечная и вместе с тем удивительно современная. Как часто и с какой легкостью мы возводим словесную дань традициям и призывают друг друга ценить духовный опыт своих предтеч. Это ведь самоочевидно, не так ли? Правда, предпочити у разных разные, и все более разные. Но я не об этом. Я о тяготах общего труда наследования, и о совсем непростых отношениях, которые возникают при этом даже казалось бы у самых близких людей.

Разве чужой для нас трагизм, о котором пишет Щедрин, трагизм упрямой приверженности, и однажды сделанному жизненному выбору, к позиции оправданного временем противостояния, оправданного - и временем же подвергаемого испытанию на разрыв... Тягото начинать заново тем, кто сумел сохранить верность

себе тогда, когда она была в редкости. Им тягото, и я об этом говорю не ради какого-то нравственности и не с тем, чтобы призвать к снисходительности, призывающей к ней тех, кто пробудился ныне и рвется вперед, круша препятствия. Мне хочется привлечь внимание к другому - к ценности превозмогания того, что в щедринском письме поименовано "простым окаменением". Случайно ли, либо, напротив, в высокой степени знаменательно, что многие, позволив себе сказать, абсолютное большинство моих друзей "диссидентской" поры, могут быть отнесены к числу умеренных (название, конечно, условное и неточное, но тем не менее оттеняющее нравственную сторону участия их в обновительной работе).

Умеренность эта не от усталости, как и не от желания, войдя в текущую бурную жизнь, уберечься от напастей, какими были щедро наделены предшествующие десятилетия. Нет, тут впереди - чувство ответственности, не утраченное, а, наоборот, закаленное быльми надругательствами, одиночеством, равнодушием и собственными быльми разладами. Не без гордости говорю: среди поборников ответственности за все происходящее, за каждую утраченную жизнь, за каждую вновь сломленную судьбу, - в первом ряду добровольно ответственных вчерашие узники совести, инакомысявшие и инакожившие.

Нет уже Андрея Дмитриевича Сахарова, но не остановилось начатое им дело, не оборвались неустанные его поиски смысла и способа, какими бы сумели соединиться воедино ненасильственное гражданское сопротивление с гражданским согласием, направленным против всякого насилия, откуда бы - "сверху" или "снизу" - оно ни исходило. Ибо сразу изменить жизнь трудно и даже опасно. Но не пытаться ныне, не откладывая на завтра, нащупать контур другой жизни - не менее, если не более опасно.

Не сомневаясь, убежден: духовный опыт семидесятиков нашего столетия, они сами, действующие, мыслящие, ищащие, - одно из тех слагаемых, без которых не совершился бы новому всеобщему выбору. Выбору, в котором будут равно представлены и все мы, не покидающие в тревожный час судьбою назначенную нам Евразию, и каждый из нас, неодинаковых, несовпадающих - бытием, сознанием и верою.

Михаил Гефтер.
5 февраля 1990 г.

НАТАЛЬЯ МАКСИМОВА

Молчание, ты тот предел,
Когда уже вне всяких дел,
Переступили мы порог
Туда, где б Бог помочь не мог.
Ты встал на крайнюю ступень,
Где свет не свет, а тень не тень,
Где слово бы обрел гранит.
Где только совесть говорит.
Уже вне всех ладских забот
Живешь ты всем наоборот.
И вновь под пыткой палача
Стоишь весь день, едва молча,
Живешь во всем наоборот,
Стоишь, безмолвствуя опять,
Что ни сужь, как ни пытай,
Молчанье завещав в ответ
Другим среди таких же бед,
Нам подарив как торжество
Всю боль молчанья своего.

МОСКВА, 4 ФЕВРАЛЯ 1990 Г.

Гуляние на Тверской

Улица Чкалова, 48-б. Ничего необычного.
Как при жизни Андрея Дмитриевича...

С. ШЕБОЛДАЕВ

- Сергей Борисович, в Ваших публичных выступлениях Вы очень часто употребляете словосочетание "власть народа". Что Вы под этим понимаете?

- Это некий перевод на исконный язык понятия "демократия". Не может быть власти без владения, поэтому "собственность - народу". Мне самому эта формула поначалу казалась не очень-то внятной и убедительной, пока я не нашел ее подтверждения в одной из посмертных публикаций Андрея Дмитриевича Сахарова.

Все это не противостоит лозунгу "Власть - Советам", а лишь дополняет его, позволяет преодолеть некую его несовременность и ограниченность. Ведь переход власти к нынешним Советам, вплоть до Верховного, затруднен не только партиократической инерцией и не только их собственной пассивностью. Советы сегодня не подкреплены поддержкой снизу, волензыванием самих масс по тем или иным конкретным вопросам.

Более того, руководство исполнкомов (илищетворяющее сегодня Советскую власть на местах), упорно продолжая принимать решения без согласования с населением, вступает с ним в конфликт или, по крайней мере, полностью изолируется от него.

В этом наша государственная бюрократия полностью подобна бюрократии партийной. Рабочий Фатеев в "Московской Правде" так оценил итоги февральского Пленума ЦК КПСС: "...предложения, прозвучавшие на Пленуме, - это уже не инициатива выступавших. Просто каждому в стране ясно: и что на съезд надо собираться быстрее, и что 6-ю статью конституции нужно немедленно отменять... есть ощущение, что выступления партийных руководителей... просто уступка давлению снизу".

Готов подписаться под этой оценкой.

Среди вопросов, задаваемых сегодня избирательными кандидатам в народные депутаты, появился, два наиболее острых - отношение к КПСС и к... обществу "Память". Само сопоставление этих двух организаций уже говорит о многом.

На митинге 4 февраля один из плакатов добавил к ним третью - на нем КПСС и "Память" фигурировали в компании с КГБ... В этот день половину пути от Центрального парка культуры и отдыха до площади Маяковского около меня в первом ряду шла женщина, заявлявшая, что и эта манифестация, и предстоящий митинг на Манежной площади инспирированы властью имущими.

"Все вы, коммунисты, одинаковы" - сказала она мне и ушла из колонны, поскольку опасалась осуждения со стороны своих знакомых за участие в партийно-аппаратурной игре...

"Все вы, коммунисты..." - обвинение в частности к "преступной организации" звучит все чаще и во все более широких аудиториях. Требование ПУБЛИЧНОГО ПОКАЗАНИЯ КПСС перед народом раздавалось и на Всесоюзной конференции партиклубов, образованной 21 января "Демократическую платформу".

Но на этой же конференции устами представителей, казалось бы, несовместимых структур - сопредседателя Межрегиональной депутатской группы Г.Х.Попова и ректора Московской Высшей партийной школы В.Н.Шостаковского - была высказана иная, не менее правильная, на мой взгляд, мысль. О разной мере ответственности партийного руководства, непосредственно творившего (и продолжавшего творить) беззакония - и по-существу бесправной многомилионной массы рядовых коммунистов. Среди них, впрочем, одного моего хорошего знакомого, не так уж мало порядочных людей...

В. ЛЫСЕНКО

- Владимир Николаевич, как Вы оцениваете ситуацию в стране накануне выборов?

- Вновь, как и год назад, наша страна стоит перед выборами. Положение, однако, с тех пор во многом изменилось к худшему. Истоки кризиса не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что верхушечный, аппаратный вариант перестройки, проводившийся в предшествующие годы, исчерпал себя. События в ГДР, Чехословакии и других странах Восточной Европы показали, что основным действующим лицом коренных демократических перемен становится не партапарат, а народ. Это же подтверждают массовые народные акции против обанкротившегося руководства в Чернигове, Свердловске, Тюмени, Томске, Волгограде, полумиллионная манифестация 4 февраля в Москве. Поэтому я не разделяю пессимистических прогнозов о падении активности народных масс. Думаю, что в нашей стране началась мирная февральская революция и мы являемся участниками коренных перемен.

- Какую роль в этом процессе играет, по Вашему мнению, объединение коммунистов "Демократическая платформа в КПСС"? Несколько слов об этом объединении.

Первые горизонтальные структуры в КПСС начали возникать весной прошлого года на волне выборов и недовольства коммунистов решениями Пленума ЦК КПСС, создавшего комиссию по "делу Ельшина". Уже тогда стало очевидно, что в рамках вертикальной иерархической партийной структуры в КПСС ничего изменить нельзя. В мае 1989 г. оформился Московский партийный клуб, включивший в себя коммунистов из многих партийных организаций Москвы и Московской области. Клуб сумел разработать при непосредственном участии первоочередных обществоведов концепцию радикальной реформы КПСС, положенную в основу Демократической платформы к XXVIII съезду, проекта нового Устава КПСС, Инструкции о прямых выборах на съезд и других документов. Клубу удалось установить контакты с коммунистами более 100 городов страны, во многих из которых также возникли партийные клубы.

О силе и влиянии демократического движения в партии свидетельствует тот факт, что на Всесоюзной конференции партиклубов и парторганизаций, проходившей 20-21 января в Москве, были представлены 455 делегатов из 102 городов, 13 союзных республик. Среди них крупные заводы, стачки, национально-демократические движения.

Основная цель коммунистов "Демократической платформы" - это демонтаж партии тоталитарного типа, какой была и остается КПСС, и переход к партии парламентского типа, действующей в условиях многопартийной системы.

При этом мы выступаем в коалиции со всеми демократическими силами нашей страны, о чем свидетельствует представительство партклуба на московском митинге 4 февраля и активное участие в подготовке круглого стола с руководством страны. Членами Координационного Совета движения являются Б.Н.Ельцин, Ю.Н.Афанасьев, Г.Х.Попов, - сопредседатели Межрегиональной депутатской группы и других демократических объединений.

- Каково Ваше отношение к положению дел сегодня в обществе "Мемориал"?

- Сразу скажу, честно и откровенно, что времени на мемориальные дела осталось очень мало. Главным своим делом сейчас считаю партийные дела. Но постоянно в курсе всех мемориальных мероприятий, поддерживаю личные контакты со многими

друзьями из "Мемориала", часть из которых, кстати, сегодня активно работает в МОН, МИФ, ДС и других демократических структурах. Полагаю, что "Мемориал", наряду с историко-просветительской деятельностью и помощью жертвам тоталитаризма, должен активно заниматься и современной политической работой. Иначе все снова, как в 1964 г., может вернуться на круги своя. Иначе мы можем совсем потерять молодежь...

- Несколько слов о сотрудничестве политклуба "Орбита", сопредседателем которого Вы являетесь, с обществом "Мемориал".

Контакт политклуба МАИ и "Мемориала" самый тесный. Несколько человек из политклуба (О.Горланов, Д.Васильев) стали активистами "Мемориала". Совместно проведено несколько памятных вечеров, из которых особенно запомнился вечер 22 января - памяти А.Д.Сахарова. Напомню, что Императрическая конференция общества "Мемориал" проходила год назад в ДК МАИ. В марте планируем провести совместный вечер "Репрессированная церковь"...

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

Проект памятника ХРАМУ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ. Рассказывает Пряд Селиверстов.

ПОИСК. По материалам группы писем.

В КЛАНУ 9 МАЯ. ЛЮДИ И СУДЬБЫ. Судьба Рауля Валленберга

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА. Дискуссия.

БЛАГОВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Проблемы и перспективы.

ЛЮДИ И НАРОДЫ - ЖЕРТВЫ ТОТАЛИТАРИЗМА. К готовящимся выставкам.

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ЦЕНТРЕ "МЕМОРИАЛА".

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ. Попытка оценить ситуацию.

О ТОТАЛИТАРИЗМЕ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ.

БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ СЛУЧАЙ:

Хорошо это или плохо, не знаю, но нам сильно недостает умения самоорганизовываться. Россия - не митинговая страна, а Москва - уж совсем не митинговый город... Поэтому то, что произошло впервые за двадцать два года в центре нашей первопрестольной 4 февраля, - событие, безусловно, неординарное.

Независимый митинг демократических движений у Кремля. Сотни тысяч участников.

Оставим в стороне политическую подоплеку и неизвестные нам механизмы, результатом которых было санкционирование митинга на самом высшем уровне. Не будем сейчас восхищаться красотой общенародного шествия. Не станем критиковать организаторов и ведущих за непомерную растянутость самого "спектакля", не осудим часть выступавших за допущенные ими серьезные небрежности. Постараемся на время забыть нелепо-проковакционное заявление от имени ТАСС.

Запомним другое.

Тверская - бульвар для гуляния. Где мы, в какой эпохе? Независимой, спокойной походкой прогуливаются москвичи, и, кажется, только фотограф-любитель куда-то торопится, стремясь на бегу мельком увидеть всех. Разгуливают улыб-

чивые одиночки, прохаживаются чуть чопорные папы и мамы со своими послушными детьми. Гуськом идут на встречу друг другу группа школьников и взвод офицеров; пристанавливаются, недоуменно-приветливо оглядывают друг друга. И, как говорится, простые женщины... Вчера они согнулись, свалившись под грузом забытости, унижений и забот, тики и котомок. Завтра опять будут очереди, тики и котомки. А сейчас расправились шестидесятилетние, напряженно стараются осмыслить... Одна произносит: "Я поняла. Просто надо перестать их бояться"...

Итак, 4 февраля мы решили шесть часов не бояться. И... И Москва оказалась - на шесть часов - нормальным русским городом, в котором живут, по которому гуляют нормальные русские люди, городом почти забытой и, казалось, невозможной сказки.

Пусть это "сказочное" впечатление чисто внешнее и очень поверхностное. Но хорошо, что эта маленькая сказка появилась. Жизненные силы не до конца погублены в нас борьбой за выживание. Мы способны жить, мы живы...

В.К.

одинадцать человек из пятнадцати членов избирательной комиссии (территориальный округ №47 Севастопольского района Москвы) подали в отставку в знак протеста против злонамеренного нарушения закона и грубого давления на избирком со стороны РК КПСС и райисполкома.

Что же произошло? Аннулировали регистрацию кандидата в депутаты России Павла Михайловича Кудокина, социолога, члена "Мемориала". П.Кудокин был выдвинут трудовым коллективом Института океанологии АН ССР. Все прошло, как положено. Состоялась конференция. Кандидатуру Кудокина предложили поддержать и.о. секретаря парткома. Ведущий, председатель профкома, поставил свою подпись под протоколом, заверив, что все было честь по чести.

И вдруг начались звонки в Институт. Некто Архипов из РК КПСС настаивал, чтобы партком дезавуировал выдвижение. Быть может первому секретарю РК КПСС А.М.Бричихину показалось, что в его епархии слишком много демократов? Ведь это в его районе академика Богомолова избрали народным депутатом ССР (ему, кстати, проиграл сам Бричихин на предыдущих выборах). Это в его районе родился клуб "Демократическая перестройка", из которого выросла Социал-демократическая ассоциация. Это в его районе сильный клуб избирателей, высокая социальная активность жителей. И район парткома, видимо, решил: хватит!

Звонками дело не ограничилось. В партком института океанологии прибыл лично секретарь райисполкома С.В.Жаворонков. Долго обрабатывал партком. После чего в избирком поступило письмо за подпись "треугольника". Конференция была, оказывается, неправомочной, так как на нее "не делегировались представители первичных подразделений". Подписали это письмо директор Института (который в день выдвижения и вовсе был в загранкомандировке), и.о. секретаря парткома (который - напоминаем! - на конференции сам предложил поддержать выдвижение) и зам. председателя профкома (чьи подпись стоит и под протоколом конференции).

И завертелось. Сотрудники Института - 250 человек - написали возмущенное письмо, где изложили историю давления на партком и предложили поставить вопрос о выдвижении П.Кудокина вторично. Конфликт разбирала окружная избирательная комиссия. Жаворонков присутствовал на заседа-

нии. Права голоса не имел, но пытался давить и здесь. Председатель избиркома попросил занести в протокол и высказывания Жаворонкова, и свои слова: "Я расцениваю это как давление на избирательную комиссию".

И пошло-поехало дальше. Жаворонков обратился в прокуратуру. Конфликтная комиссия - уже центрального избиркома - тоже возмутилась: при чем тут прокуратура? Это наше дело - подтвердить регистрацию... Но давление со всех сторон - или со всех "высот" - продолжалось. И центризбком сдался: отменил регистрацию. Вот тогда-то одинадцать членов окружного избиркома и объявили об отставке.

Создание новой комиссии означает и новое выдвижение. Как выйдет из этого положения те, кто должен обеспечить законность поведения сторон, участвующих в предвыборной кампании?

Можно опротестовать решение Центральной избирательной комиссии. Наказать виновных. Только регистрация кандидатов в депутаты завершена. И очень жаль, что программа Павла Кудокина, возможно, так и не будет реализована. Между прочим, один из пунктов ее - "открытие конституционного процесса", важным этапом которого, по мнению Кудокина, является "разработка Конституции РСФСР". До принятия же Конституции он предлагает "ввести прямое действие международных правовых актов".

Понятно: функционер не станет продвигать своего могильщика, а постарается его закопать. Что и сделали аппаратчики Севастопольского района.

К.Мусаэлян

ВЫПУСК ГОТОВИЛИ:

Екатерина Воробьева
Владимир Голицын
Александр Даниэль
Виктор Коган-Ясный
Константин Куранов
Павел Марченко
Дмитрий Поляков
Лев Тимофеев

Ответственные за выпуск:

А.Даниэль, В.Коган-Ясный

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Библиотека Международного Мемориала